

М.В. Польшкин

**Социальная философия М.А. Бакунина:
ориентиры, тенденции и методы изучения
в отечественной исследовательской
литературе конца 1980–1990-х гг.**

Попытка либерализации коммунистического режима в период «перестройки» привела в конечном итоге к крушению советского тоталитарного государства и полному банкротству марксистско-ленинской идеологии, отечественное «бакуноведение» оказалось в совершенно новой ситуации. Исследователи впервые получили реальную возможность отказать от существующих мифов и переосмыслить идейное наследие выдающегося русского мыслителя Михаила Александровича Бакунина (1814–1874). Не стала исключением и его самобытная социально-философская концепция. В наше время небывалых потрясений и изменений казавшихся незыблемыми ценностей по-новому свежо и актуально воспринимаются многие идеи М.А. Бакунина. Яркая, аргументированная критика философом всевластной и сверхцентрализованной имперской государственности как источника социального зла, его бескомпромиссный протест против любых форм политического деспотизма, проповедь безусловной самоценности народного суверенитета, гражданских прав и универсальной свободы личности – все это свидетельствует о том, что его мировоззрение развивалось в русле общегуманитарного поиска истинных ценностей социального бытия.

Сейчас идет процесс формирования нового подхода, направленного на переосмысление философских взглядов мыслителя на общественное развитие. В данном контексте рассмотрение проблемы, связанной с выявлением ориентиров, тенденций и методов изучения социальной философии М.А. Бакунина, в работах современных российских авторов конца 1980–1990-х гг. представляется актуальным.

На переломном рубеже 80–90-х гг. XX в. произошла определенная смена методологических ориентиров в характеристике социально-философских воззрений Михаила Бакунина. Только в начале этого периода отечественные публикации на данную тему [1–5] были выдержаны в духе проблематичного «обновления» марксистско-ленинской концепции, базировавшегося на традиционной критике крайностей сталинской ее разновидности. Затем, уже в 1990-е гг., наконец, признана их абсолютная научная несостоятельность. Однако большинство российских

авторов (Н.М. Пирумова [6], Э.Г. Волков [7], В.А. Каримов [8] и др.) скорректировали свой подход к освещению философских взглядов М.А. Бакунина на государство и общество, опираясь главным образом на зарубежные разработки. Сторонники альтернативного направления (Л.Г. Сухотина [9], В.Г. Джангирян [10], В.А. Должиков [11] и др.) критически относятся к западным (евроцентричным) концептуальным схемам и акцентируют необходимость обращения к иной методологии, связанной с теоретическими достижениями отечественных мыслителей. Более органичным для изучения многогранной социальной философии Бакунина данные исследователи считают «русский» синтезный, цивилизационный подход. Эту позицию разделяет и автор статьи.

Следует особо отметить важность вступительной статьи В.Ф. Пустарнакова «М.А. Бакунин как философ» к подготовленному им тому избранных сочинений русского мыслителя, вышедшего в 1987 г. [12]. Впервые после длительного перерыва автором четко сформулирован вопрос о переоценке статусной роли М.А. Бакунина в истории русской и общеевропейской социально-философской мысли XIX в. По мнению В.Ф. Пустарнакова, исследователям это еще предстоит определить, возможно, более точно, чем делалось раньше. Кроме того, мифы о М.А. Бакунине оказались удивительно устойчивыми и некоторые из них до сих пор преобладают, заменяют действительное знание об его идеях и деятельности [13]. Примечательно, что составители опубликованной в 1994 г. хрестоматии Г.С. Арефьева, М.И. Ананьева, А.С. Гарбузов [14], учитывая данное пожелание современного биографа, включили Михаила Бакунина в контекст целостной последовательности текстов, принадлежащих крупнейшим мыслителям XVII–XX вв. и освещающих ключевые вопросы социальной философии.

В рассматриваемый период появилось значительное количество работ отечественных философов, социологов, политологов и историков [13, 15–17] и др., в которых по-новому оцениваются различные аспекты социально-философского мировоззрения М.А. Бакунина. Совокупный анализ достаточно обширной со-

временной российской литературы, думаю, уже сегодня позволяет выявить некоторые основные тенденции в исследованиях по данной проблематике.

Во-первых, наконец-то большинством исследователей признается необходимость критики самих результатов многолетнего мифотворчества, которым всегда отличалась марксистская историография. В частности, многие авторы указывают на то, что давно назрела потребность освободиться от предвзятого, ошибочного понимания социальной философии М.А. Бакунина, как «комедии ошибок», якобы вобравшую в себя из самых различных учений пресловутый «анархизм», не содержащий, по существу, ни одной позитивной черты [5, с. 118]. По мнению исследователей, необходимо избавиться от оценки русского мыслителя, как «апостола разрушения», «врага марксизма-ленинизма», идеолога «мелкобуржуазного» социализма и трактовки его философского учения об обществе, как своеобразной теории – «смеси прудонизма с коммунизмом». Причины подобного негативистского подхода вытекали из того, что антибюрократический, демократический, свободолобивый характер мировоззрения М.А. Бакунина противоречил официальной марксистско-ленинской идеологии советского тоталитарного государства.

Ныне отечественные исследователи признают мировое значение оригинальной социально-философской концепции М.А. Бакунина как мотивированной превентивной альтернативы (демократический федерализм) доктрине «государственного социализма» К. Маркса. По этой широко известной полемике двух лидеров I Интернационала высказывается В.А. Должиков. По мнению автора, Михаил Бакунин являлся первым в отечественной и мировой истории мыслителем-антитоталитаристом [11, с. 74]. Биограф разделяет точку зрения современного финского исследователя П. Корпинена, считающего «государственный социализм» доминирующей парадигмой на протяжении всего новейшего времени. Автор полагает, что к концу XX в., начала проявлять себя другая тенденция, именуемая «романо-европейской анархической традицией», которая может стать важным фактором общественного развития в начале XXI столетия. Иначе говоря, в обозримом будущем, как отмечает В.А. Должиков, становится возможным осуществление не понятого современниками аутентичного социализма, который был вчерне разработан М.А. Бакуниным и его последователями [11, с. 84].

Таким образом, в настоящее время главный вектор отечественных исследований направлен на критическое переосмысление социальной философии М.А. Бакунина. Цель этого, бесспорно, позитивного процесса – преодоление сложившихся мифов о Бакунине, имеющих очень мало общего с реальным его местом в истории русской и международной идеологической мысли! Объективно существует необходимость дальнейшего серьезного всестороннего научного изучения темы. Тем более, что в ряде современных публикаций [1, 2, 4] все многообразие философских воззрений М.А. Бакунина по-прежнему сводится к термину «анархизм», интерпретируемому в западном, евроцентричном смысле. По мнению автора статьи, данное определение применительно к социальной философии русских «анархистов» (М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого и др.), выходящим из национальной интеллигенции, недостаточно и нуждается в серьезной корректировке. Капитализм любой модификации их не устраивал, они ушли за горизонт буржуазной ограниченности, фактически в посткапиталистическое время и пространство. Что касается лично Бакунина, то его реальный статус «своего среди чужих» и «чужого среди своих» определял стратегию выживания в форме альянса с максимально близкими по идеологии западноевропейскими анархистами. Под так называемым анархизмом Бакунина скрывается последовательный демократический, народнический федерализм.

Необходимо отметить и некоторые наиболее перспективные, на наш взгляд, современные концептуальные инновации в области методологии изучения социальной философии М.А. Бакунина. На основании проведенного анализа точек зрения российских авторов можно условно выделить четыре, используемых ими метода: комплексный, персоналистский, категориальный и авангардистско-мировоззренческий, имеющие существенные смысловые отличия и соответствующую область адаптационного применения. Эта проблема выбора методологии не стала предметом специального исследования.

Первый метод сформулирован современным российским философом В.Ф. Пустарнаковым [13], который наметил одну из важнейших проблем в изучении социальной философии М.А. Бакунина. С точки зрения автора, систему взглядов мыслителя на общественное бытие нужно рассматривать только в контексте с его общефилософской и мировоззренческой эволюцией. По мнению Пустарнакова, в большинстве ра-

бот отечественных и зарубежных исследователей этот фактор, как правило, не учитывается.

Следует сказать, что теоретические предпосылки данного комплексного метода появились в работах его предшественников Ю.М. Стеклова «Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность». (М.; Л., 1926–1927. Т. I–IV), П.И. Моисеева «Критика философии М.А. Бакунина и современность» (Иркутск, 1981) и, вполне вероятно, В.Ф. Пустарнаковым они взяты за основу при выработке новых концептуальных решений.

Главная цель публикации Пустарнакова состоит в доказательстве утверждения о том, что М.А. Бакунин был не только политическим деятелем, революционером-практиком, но и настоящим философом, социальным мыслителем. Его работа отличается многообразием выводов, вариантов постановки и решения многих проблем. В частности, автор достаточно подробно анализирует сложную логическую взаимосвязь социально-философских воззрений М.А. Бакунина с динамикой его мировоззренческой эволюции. В.Ф. Пустарнаков выделяет следующие основные ее вехи: 1) отход от консервативной православной религиозности к богоборческому свободомыслию и философскому осмыслению действительности в 1830-е гг.; 2) детеоретизация, дефилософизация его мировоззренческого поиска и переход к революционно-прагматическому отношению к действительности в 1840-е гг.; 3) возвращение к теории в 1850 – первой половине 1860-х гг.; 4) обобщение накопленных идей для выработки самобытной социально-философской концепции в 1864–1876 гг. [13].

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет анализ В.Ф. Пустарнаковым степени взаимосвязи между социально-идеологической и общефилософской концепциями М.А. Бакунина второй половины 60 – первой половины 70-х гг. XIX в. Исследователь считает, что объективно, независимо от собственной воли философские взгляды Михаила Бакунина были достаточно тесно связаны с его так называемым анархизмом. В данном случае подразумевается, во-первых, что из определенных философских положений следовали анархические выводы. Во-вторых, анархические установки определяли, в свою очередь, исповедуемые им теоретические принципы. Тем не менее, как считает автор, между ними, в действительности, нет прямой органической связи. Из смысла его философии можно сделать совсем не анархические выводы. Таким образом, по своему теоретико-познавательному содержанию,

по убеждению Пустарнакова, философские взгляды М.А. Бакунина имеют относительно самостоятельную, причем весьма значительную ценность, относительно независимую от собственно «анархического» аспекта его мировоззрения [13, с. 51].

В конечном итоге исследователь приходит к выводу, что философское мировоззрение М.А. Бакунина в целом имеет ярко выраженную социальную ориентацию, оно буквально проникнуто парадигмой социальности. Это относится, как особо подчеркивает Пустарнаков, и к его онтологическим, натурфилософским, гносеологическим и методологическим взглядам. Последний аспект, по справедливой оценке автора, менее всего представлен в отечественной литературе [13, с. 5].

Поэтому приоритетным в разработке теоретического наследия М.А. Бакунина, как считает исследователь, должно стать исходное признание самоценной именно социально-философской концепции мыслителя, заслуживающей повышенного внимания со стороны историков не только русской, но и западноевропейской мысли второй половины 60–первой половины 70-х гг. XIX в. [13, с. 52].

Таким образом, метод В.Ф. Пустарнакова можно рассматривать как плодотворную попытку всестороннего, комплексного охвата всей проблематики философского наследия М.А. Бакунина. Социальные взгляды русского мыслителя данный автор не случайно попытался ввести заново в контекст его общефилософской и мировоззренческой эволюции. Не без оснований Пустарнаков критически оценивает реальные результаты изучения философских воззрений М.А. Бакунина в недалеком прошлом и ставит проблему о необходимости преодоления многих функционирующих старых мифов. При этом внимание акцентируется на дальнейшем и более глубоком процессе изучения философских исканий М.А. Бакунина в так называемый доанархический и анархический периоды, постановке проблемы о корректировке статусной роли Бакунина в истории философских и социально-политических идей. В статье В.Ф. Пустарнакова фактически впервые поставлены дискуссионные вопросы о взаимосвязи социальной и философской концепции мыслителя, соотношении теории и практики, степени удельного веса философии на разных этапах его жизни и деятельности и т.д. Главная ценность метода Пустарнакова, на наш взгляд, состоит в понимании всей многогранности, неоднозначности и сложности комплекса социально-философской проблематики в неразрывной

связи с его общефилософскими и мировоззренческими ориентирами.

Персоналистский метод в наиболее законченном виде представлен в работе современного российского историка Н.М. Пирумовой «Социальная доктрина М.А. Бакунина» (М., 1990), основной его смысл состоит в изучении философских воззрений русского мыслителя на общество, опираясь в первую очередь на особенности его личности. По мнению автора, основателями данного концептуального решения являются западные исследователи, где ценности личности, общественной жизни являются одним из приоритетных направлений государственной политики. Н.М. Пирумова отметила существенный недостаток отечественного «бакуноведения» в том, что исследователи больше пишут о бакунизме, его влиянии на русское и европейское освободительное движение, а не о самом М.А. Бакунине.

Исследовательница критикует мифы о теоретической беспринципности, якобы свойственной одному из идеологов русского народничества, его враждебном отношении к науке и сознательному началу в революционном движении [6, с. 9].

Н.М. Пирумова приводит достаточно интересные точки зрения зарубежных исследователей, отражающих старый спор о том, какой архетип превалировал в личности М.А. Бакунина: мыслитель или борец? Большинство из них придерживается последнего. Однако развитие анархо-синдикатских идей потребовало их теоретического обоснования. Тогда и появилось утверждение западного философа Ж. Леваля о том, что Михаил Бакунин был «более велик как мыслитель, чем борец». Во Франции распространилось мнение о нем как французском политическом деятеле, писателе. На его сочинения стали опираться в поисках философских основ современного радикального социализма [6, с. 13]. Биограф не разделяет мнение зарубежного исследователя П. Шайберта, его вульгарно-фрейдистского психологического подхода к личности русского мыслителя. Данный автор настоятельно искал в мнимом деспотизме отца корни «анархического» мировоззрения молодого Бакунина [6, с. 16].

Оценивая анализируемую работу [6] в целом, стоит сказать, что Н.М. Пирумова поставила и попыталась решить многие проблемы, связанные с переосмыслением уникальной роли М.А. Бакунина в истории отечественной интеллигенции. Автор отмечает его выдающиеся философские, организаторские, агитаторские и творческие способности. По мнению иссле-

довательницы, истинная роль молодого Бакунина в истории становления классической философии России 1830–1840-х гг. остается слабоизученной. В монографии акцентируется внимание на зрелом подходе Михаила Бакунина к научному труду, критическому осмыслению изучаемых им философских систем, поразительном свойстве проникновения в самую суть сложнейших теоретических вопросов. Н.М. Пирумова много внимания уделяет обоснованию соотношения рационального и иррационального, деятельно-практического и философско-теоретического компонентов в мировоззрении М.А. Бакунина. Биограф обращает внимание на многомерную противоречивость его личности, отразившейся на философских построениях, на его «львиный характер», на чрезвычайно динамическую и истинно творческую, жизненную позицию.

Для проникновения во внутренний мир далеко неординарной личности М.А. Бакунина, как считает исследовательница, есть некий «ключ», а именно: определение им свободы как религии, «доставляющей величайшее блаженство только на путях глубочайших противоречий, горчайших страданий и полного, безусловного самоотречения» [6, с. 44]. Н.М. Пирумова затрагивает и другие существенные стороны характера Михаила Бакунина.

Близкими к данному концептуальному решению являются точки зрения Б.В. Емельянова, В.Г. Томилова [3], Н.К. Житовой [4], В.А. Малинина [17], Э.Г. Волкова [7], М.Н. Громова [16], В.А. Твардовской, Б.С. Итенберга [18], М.П. Капустина [19] и А. Янова [20]. Большинство из них, правда, по-прежнему считают, что в М.А. Бакунине деятельный компонент преобладал над теоретическим началом. Свою позицию они аргументируют тем, что Михаил Бакунин начиная со второй половины 1840-х гг. находился в центре революционных событий. Да он и сам никогда не считал себя философом, теоретиком-мыслителем в подлинном смысле этого слова. Вместе с тем каждый из авторов подмечает и выделяет некие новые моменты в политической биографии мыслителя.

Так, М.П. Капустин придерживается мнения о том, что М.А. Бакунин был не только одним из крупнейших революционеров-демократов в истории, но и проницательным знатоком народной психологии. Он прекрасно знал и понимал склад ума, мироощущение, миропонимание, восприятие жизни, ценности русского и европейского общества [19, с. 290–294]. А. Янов сводит статус М.А. Бакунина к типичнейшей судьбе пророка в своем отечестве, об-

ладающего по преимуществу иррационально-мистическим, интуитивным, а не понятийно-рациональным складом мышления. По мнению данного автора, главное пророчество М.А. Бакунина об исторической миссии русского народа, как творца-инициатора коренных перемен в судьбе Европы, сбылось. Это доказывается прямым или косвенным участием народов России в строительстве советского тоталитарного государства, под влиянием и контролем которого оказались многие страны мира. Что же касается масштабов влияния «русского духа», то он не смог проникнуть в глубину общественного сознания Запада и кардинально повлиять на него [20, с. 8–11].

На мой взгляд, рассмотренный метод способствует более адекватному пониманию смысла социально-философских идей М.А. Бакунина с учетом реального воздействия самой его неординарной личности на политические процессы в Европе и России. Лишь в таком случае возможна, по-видимому, правильная оценка всего многообразия его теоретического наследия. Заодно проясняется и немаловажный вопрос: почему многие философские труды не имели достаточной, системной оформленности? Большинство из них, как известно, не были закончены. Возможно, что удастся, наконец, решить дискуссионную проблему: кем все-таки был М.А. Бакунин в большей степени – революционером-практиком или же идеологом-мыслителем? По всей вероятности, лишь тогда может проясниться и вопрос, связанный с глубинными истоками генезиса и дальнейшей эволюции ключевых социально-философских идей Михаила Бакунина.

В работах последнего времени (П.Ю. Миროнова [15], Ю.А. Борисенка, Д.И. Олейникова [21], В.М. Артемова [22], В.А. Каримова [8], П.В. Рябова [23] и др.) представлен категориальный метод. Эта группа исследователей считает, что при изучении социальной философии М.А. Бакунина целесообразно выделять главную сущностную категорию «свобода», поскольку именно она составляла лейтмотив практически всех его работ, в том числе и философских. Авторы критикуют марксистский миф о том, что одной из главных черт учения мыслителя об обществе является индивидуализм, причем индивидуализм «разнуданный», «мелкобуржуазный», якобы присутствующий во всех его теоретических построениях, со ссылкой на пресловутое (кстати говоря, недоказанное) заимствование отдельных идей у такого апологета эгоизма, как М. Штирнер.

Как считает В.М. Артемов, анархистский вариант философии свободы имеет глубокие национальные российские корни. Только их выявление поможет, скорее всего, преодолеть весьма устойчивую традицию изображать «бакунизм» как проявление негативной свободы, «свободы-от», как вытесняющее самого человека, насильственное в идейном и общественно-политическом плане течение. Именно свобода и является своеобразной несущей конструкцией всех теоретических построений М.А. Бакунина [22, с. 202].

Точно так же и П.Ю. Миронов утверждает, что свобода является своеобразным «краеугольным камнем» социальной концепции М.А. Бакунина. Цепь развития социальности в любом обществе, по мнению русского мыслителя, связана с освобождением человека от нелегитимного насилия со стороны любой власти – политической, экономической и духовной. В то же время у него нет вульгарного отрицания самой роли государства, как исторически оправданного, «необходимого» зла. Но общество и государство не тождественны, поскольку государство не вечно, это лишь временная форма, которая постепенно «растворится» в обществе. На следующем высказывании исследователь специально акцентирует внимание. Идеал для М.А. Бакунина – общество, организованное на началах свободы и самоуправления, на принципах социализма. «Социализм – это справедливость, суть которой: равенство». Социализм же без свободы – это «рабство и зверство», потому что «не может быть ничего живого человеческого вне свободы» [15, с. 112].

Применение данного метода, на наш взгляд, может внести ясность во многие основополагающие концептуальные моменты философских взглядов М.А. Бакунина на общество. Вообще-то идейное наследие мыслителя «закодировано» и поэтому с трудом поддается дешифровке. Порой многое кажется на первый взгляд непонятным, но, если вдуматься, то открывается множество граней одной и той же проблемы. Наверное, и по этой причине мировоззрение Михаила Бакунина продолжает оставаться слабоизученным. По моему мнению, понимание категории «свобода» как системообразующего базиса не только социально-философского, но и всего теоретического наследия мыслителя будет способствовать в значительной степени улучшению результатов исследований в данной области.

Современные отечественные исследователи С.Ф. Васильев, В.В. Еремин, В.С. Корнев и др. [24] исходят из далеко небесспорного базового

тезиса о том, что М.А. Бакунин, как идеолог, является прежде всего сторонником западноевропейского анархизма. Поэтому ими поставлена проблема: каким было реальное место М.А. Бакунина в довольно многообразном потоке анархистских идейных течений Старого Света. С данной целью в общих рамках анархизма выделены индивидуалистическая, синдикалистская, коммунистическая, коллективистская и другие разновидности этой идеологии. По мнению авторов, Бакунин является виднейшим, можно сказать и так, главным теоретиком коллективистского анархизма, что не совсем верно. Популяризируя в ряде стран Европы свое учение, мыслитель отводил немало времени разработке собственно философских основ последнего. Зачатки данной социально-философской парадигмы можно обнаружить уже в ранних его работах, например, в программной статье «Реакция в Германии» (1842), опубликованной в журнале «Немецкие ежегодники», издаваемом А. Руге. Она содержит некоторые элементы истоков и подходов М.А. Бакунина к анархизму как мировоззрению. Здесь Бакунин проповедует абсолютную свободу духа, утверждает, что «отрицательное является условием положительного... Доверимся вечному абсолюту, – писал он, – понимающему и разрушающему только потому, что он в то же время является вечно созидующим началом жизни» [24, с. 9–10].

Исследователи, что понятно, не обошли вниманием две известные работы Михаила Бакунина: «Государство и Анархия», «Кнута-германская империя и социальная революция», написанные им в 1870-е гг. Они свидетельствуют о попытках со стороны мыслителя вернуться к собственно философскому обоснованию ключевой идеи социально-революционного (анархистского) переустройства общества. По мнению авторов, М.А. Бакунин в этих произведениях поставил ряд фундаментальных проблем: 1) о взаимосвязи природно-биологического и социально-культурного начал; 2) об отношении человечества к природе (экологии) и цене так называемого прогресса; 3) о самом смысле и пределах возможной практической реализации идеала свободы; 4) о природе происхождения институтов политической власти и 5) о соотношении принципов борьбы и солидарности в процессе социального освобождения людей [24, с. 11–12].

Исследователи полагают, что в целом социально-философские воззрения М.А. Бакунина, так же как и К. Маркса, В.И. Ленина и других теоретиков «левого» радикализма,

следует определять как феномен авангарда. Причем это касается не только политики, политической культуры, но и мировоззренческой базы. И своей жизнью, и творчеством М.А. Бакунин выходил на маргинально-пограничные, экзистенциальные области личной и общественной жизни. Любой авангард, в том числе и политический, – это сфера риска, несомненных, нравственных издержек и потерь, но и одновременно неожиданных ярких открытий и приобретений. Авангард и в политике, и в мировоззрении, и в культуре в целом – это не только опыт ошибок и заблуждений, но и страховка человека от рутинной обыденности, постоянно угрожающей обеднить и сузить рамки потенциала развития. Авангардистское интеллигентское сознание (а М.А. Бакунин был, несомненно, одним из ярких его воплощений) содержит уникальный опыт постижения всемирно-исторической драмы человеческого бытия на грани жизни, смерти и бессмертия [24, с. 13].

Наметившийся инновационный авангардистско-мировоззренческий метод изучения социальной философии М.А. Бакунина, бесспорно, перспективен в том смысле, что его сторонники предлагают вариативное, но вместе с тем и целостное научное переосмысление самой сущности философской концепции русского мыслителя. Кроме того, что немаловажно, исследователями высоко оценивается реальная статусная роль М.А. Бакунина не только в политике, но и в истории философской мысли. При этом внимание акцентируется на постановке и вариантах решения М.А. Бакуниным важнейших философских проблем не только прошлого, но современности. Данный задел в свою очередь может стать стимулом к дальнейшему углубленному изучению малоизвестных страниц многогранного теоретического наследия Михаила Бакунина.

Оценивая все четыре метода в целом, стоит сказать, что каждый из них, взятый в отдельности, фрагментарно, представляет определенный интерес, но только их применение в комплексе, синтез важнейших концептуальных положений может принести желаемый эффект.

При изучении взглядов М.А. Бакунина на социальное бытие неизбежно возникает вопрос и о методологических ориентирах такого научного анализа. Современное состояние в области методологии определяет ситуация кризиса старых марксистских концептуальных разработок и связанного с этим позитив-

ным процессом самоопределения исследователя общей системе координат философского знания. По мнению В.Н. Шевченко, наибольшие потери за годы существования так называемой командно-административной системы в России понесла именно социальная философия. «Истмат» являлся в действительности лишь более-менее искусно построенной однолинейной идеологической конструкцией, декларируемая связь которой и с взглядами К. Маркса во многом была лишь внешней и формальной [25].

Сейчас нет единой точки зрения и ответа на вопрос: что такое социальная философия? Если раньше в годы сталинизма, застоя исторический материализм претендовал на истину в последней инстанции, то на сегодняшний день наблюдается многообразие подходов и мнений на понимание фундаментальных проблем человека и общества.

Прогресс в развитии отечественной социально-философской теории, как мировоззренческого и методологического базиса, несомненно, обеспечит дальнейшие успехи в разработке новых концептуальных положений в исследовании воззрений М.А. Бакунина на общественное бытие.

Подводя некоторые итоги, следует остановиться на том, что сама проблема выработки современных путей и способов изучения социально-философской концепции М.А. Бакунина отечественными исследователями, разумеется, важна. Но ведь это – одна лишь «верхушка айсберга» или, лучше сказать, своего рода инструмент в добывании знаний. Уже сейчас созданы все необходимые методологические предпосылки для появления теоретических инноваций в исследованиях в данной области. Объективно существует необходимость освобождения от многолетнего наслоения мифов и стереотипов, искажающих реальный облик мыслителя и стимулирующих спекулятивное использование его имени. Назрела необходимость проявить творческую способность отказаться от существующих идеологических клише, переоценить весь объем накопленных материалов, учесть развитие отечественной социальной философии и философского знания в целом, как общетеоретической методологии. Эти, а также и другие факторы позволят, надеюсь, совершить скачок от еще сохраняющего сильные позиции старого догматического к принципиально новому подходу в оценке социальной философии М.А. Бакунина.

Литература

1. Аникин А.В. М.А. Бакунин, анархизм, нечаевщина // Путь исканий. М., 1990.
2. Волков Г.Н. Неистовый бунтарь: [К 175-летию со дня рождения М.А. Бакунина] // Коммунист. 1989. №12.
3. Емельянов Б.В., Томилов В.Г. Русские мыслители. Томск, 1988.
4. Житова Н.К. Революция или бунт? Социализм или анархия? (К 175-летию со дня рождения М.А. Бакунина) // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: Теория научного коммунизма. 1989. №3.
5. Исаев А.К., Олейников Д.И. Бакунизм нуждается в более серьезном изучении // Вопросы истории. 1989. №2.
6. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990.
7. Волков Э.Г. Карл, ты не прав (О переоценке полемики К. Маркса с Г. Гегелем и М. Бакуниным по проблеме «правлящие – управляющие / управляемые») // Кентавр. 1994. №1.
8. Каримов В.А. Философия М.А. Бакунина // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 1996. Вып. 3–4.
9. Сухотина Л.Г. Пророчество Михаила Бакунина // Вестник АН СССР. 1991. №5.
10. Сухотина Л.Г., Джаргирян В.Г. М.А. Бакунин: борец, мыслитель, гуманист (1814–1876) // Историография, источниковедение отечественной истории. М., 1993.
11. Должиков В.А. Русский социализм: альтернативный вариант М.А. Бакунина // Вопросы политологии. Барнаул, 1999. Вып. 1.
12. Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
13. Пустарнаков В.Ф. М.А. Бакунин как философ // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
14. Социальная философия: Хрестоматия. / Сост. Г.С. Арефьева, М.И. Ананьева, А.С. Гарбузова. М., 1994. Ч. 1–2.
15. Миронов П.Ю. М.А. Бакунин: Взгляды на общество, государство, категории свободы и нравственности // Свобода и справедливость. Диалог мировоззрений: Материалы симпозиума. Н. Новгород, 1993.
16. Громов М.Н. Анархизм и народничество // История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 2: Философия XV–XIX вв. М., 1996.
17. Малинин В.А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1991.
18. Твардовская В.А., Итенберг Б.С. К. Маркс и М.А. Бакунин: борьба идей и амбиций // Новая и новейшая история. 1997. №3.
19. Капустин М.П. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990.
20. Янов. А. Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский, К. Леонтьев) // Искусство кино: 1992. №9.

21. Борисенок Ю.А., Олейников Д.И. Михаил Александрович Бакунин // Вопросы истории. 1994. №3.

22. Артемов В.М. М.А. Бакунин: к свободе через образование // Социально-политический журнал. 1995. №4.

23. Рябов П.В. Бакунин М.А. (1814–1876): [Философ] // Хрестоматия по истории философии (Русская философия): Учеб. пособие для вузов. М., 1997. Ч. 3.

24. Васильев С.Ф., Еремин В.В., В.С. Корнев и др. М.А. Бакунин // Русская философия в лицах: Учебно-методическое пособие для студентов дневного и заочного отделений. Барнаул, 1994.

25. Шевченко В.Н. Кризис философской мысли в современной России: причины и пути преодоления // Очерки социальной философии: Учеб. пособие для вузов. М., 1994.